

МИТРОШЕНКОВ Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления; профессор факультета международных отношений Института бизнеса и делового администрирования; профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84, корп. 8; omitrosh6@mail.ru)

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОГО МИРА: ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ (Некоторые размышления над книгой А.А. Пелипенко «Контрэволюция», 2016)

Аннотация. В статье рассматривается последний труд отечественного культуролога Андрея Пелипенко «Контрэволюция» (2016). А. Пелипенко на основе своей смыслогенетической теории культуры дает объяснения процессам глубокого перерождения западного мира и западной ментальности, акцентируя внимание на периоде после Второй мировой войны. Главной идеей, служащей ключом к объяснению кризисных явлений во всех сферах современной жизни, является идея конца логоцентрической эпохи. Разъяснению и анализу ее сущности автор и уделяет основное внимание.

Ключевые слова: Запад, контрэволюция, логоцентризм, индивид, логоцентрик, личность, мифоритуальный комплекс, сложность, кризис

«Контрэволюция» — последняя книга выдающегося ученого-культуролога Андрея Пелипенко, вышедшая при его жизни в 2016 г. Он еще успел увидеть ее воочию и лично подарить автору этих строк и главному редактору этого журнала во время их последней встречи у него дома...

Пронзительны мысли, изложенные в начале книги: «Свобода стоит неприкормленности. Неангажированная позиция кроме бедности и удаленности от мест, где одинокий ученый может быть увиден и услышан, дает чудесное преимущество — назвать вещи своими именами. Автор этих строк один из тех, кто на том стоит и не может иначе. Да, отказываться от соблазнов, сулимых конформизмом, непрактично и безрассудно. Но... Не знаю, откуда берется это самое “но”... Одиночки дорого платят за свободу ума и духа, но что может сравниться с переживанием момента, когда твои идеи резонируют в душах других людей? Даже в отсутствие понимания» [Пелипенко 2016: 3].

Да, все это автор написал о себе — и о свободе, и о неангажированности, и об одиночестве и непонимании, и о возможности высказаться прямо и жестко, и о дорогой плате за свободу ума и духа. Именно так он и жил...

Содержащиеся в «Контрэволюции» идеи в очередной раз подтвердили масштабность, глубину и оригинальность мышления А. Пелипенко. Удивительное дело — автор сам подчеркивает, что его книга не носит академический характер, а аргументы намеренно «нестроги». Это лишний раз говорит о его высочайшей требовательности, прежде всего к самому себе. Многим, очень многим якобы «академическим», «научным» трудам можно было бы пожелать подобной «неакадемичности» и «нестрогости»!

«Контрэволюция» — сильное произведение. Будучи связанным со всем предыдущим творчеством автора и его главным достижением — смыслогенетической теорией культуры, опираясь на этот основательный фундамент, оно бросает вызов установившимся правилам политкорректности и толерантности, содержит культурно-исторический анализ положения дел в современном мире, и прежде всего в ареале западной цивилизации.

Автор дает объяснение процессам глубокого перерождения западного мира и западной ментальности, акцентируя внимание на периоде после Второй мировой войны. Анализ осуществляется посредством и на основе экспликации ведущих концептов смыслогенетической теории культуры. Ключом к объяснению кризисных обнаружений во всех сферах современной жизни является идея конца логоцентрической эпохи. Разъяснению и анализу ее сущности автор и уделяет основное внимание.

Запад (белая цивилизация), согласно Пелипенко, уходит из истории [Пелипенко 2016: 7], не осознавая и не замечая этого. Уходить можно по-разному: например, не оставить после себя ничего, кроме дурных воспоминаний, но можно и передать квинтэссенцию исторического опыта другим народам, загодя их к этому подготовив. В последнем случае система не вполне умирает, но растворяется в своих эволюционных преемниках. Тогда происходит гегелевское снятие — упразднение-и-сохранение, т.е. продление себя-в-другом [Пелипенко 2016: 7].

Однако сама мысль о необходимости осознанных и целенаправленных изменений под угрозой наихудшего варианта развития событий вызывает на Западе раздражение и неприятие, блокирует адекватные реакции на изменения, особенно скачковые и качественные. Там стараются не замечать поток подталкивающих к изменениям обстоятельств или минимизировать эти изменения. Рутинность повседневности создает ложную уверенность в незыблемости привычного порядка и основ бытия, в том, что все глобальные изменения происходят где-то далеко, в параллельном измерении. Такому настроению поддаются не только обыватели, но и интеллектуалы. Когда будущее предстает смутным, неопределенным, пугающим, развивается футурофобия — стремление вопреки всему оставаться в бесконечно длящемся сегодня [Пелипенко 2016: 8].

Интуитивно улавливая тревожный гул грядущих событий, но не желая себе в этом признаться, западное сознание «жмет на тормоза» психологической инерции в надежде увильнуть от непредсказуемого будущего и все чаще заглядывает в комфортную зону мифа. Но именно в отказе от мифов, как бы это ни было трудно и мучительно, лежит путь к тем изменениям, которые способны увести от наихудших исходов.

А. Пелипенко и предлагает отказаться прежде всего от ряда мифов, в небольшой степени способствующих развитию кризиса Запада [Пелипенко 2016: 8-17]¹: 1) будто бы возможна полная демифологизация сознания; 2) будто бы существуют некие вечные и общечеловеческие ценности, под которыми, ясное дело, понимаются ценности либерально-гуманистические (в основном утвердившиеся в послевоенном мире с доминированием леволиберального дискурса); 3) миф о прогрессе, означающий, что любые эволюционные достижения вменяются всему человечеству, и достигаемый где-либо уровень сложности осознается как общечеловеческий и служит точкой отсчета для всей «мировой цивилизации»; 4) миф о «другом» как злобном и вредоносном чужаке, инвертировавшийся в психологему «другого» как априорно хорошего и всегда правого; 5) идея антропологического единства человечества; 6) априорная уверенность в возможности мира без противоречий.

Избавление от этих мифов необходимо для того, чтобы обратиться к реалистическому и адекватному взгляду на окружающий мир.

А. Пелипенко рассматривает целый комплекс проблем и идей, которые образуют своего рода «тезаурусную» основу исследования, являясь необходимыми и достаточными для последнего.

Среди них (даются без подробной экспликации. — *О.М.*):

¹ К сожалению, в целях экономии места приходится отказаться от яркой авторской экспликации этих мифов и их жесточайшей критики.

а) размышления о способе разрешения противоречия между социальным и индивидуальным (индивидуалистический принцип утвердился только в западном обществе в Новое время, системный кризис индивидуалистического общества наблюдается в истории впервые);

б) особенности вертикального прорыва человечества от мифоритуальной системы к новой культурно-цивилизационной системе – прообразу современной. Новое системное качество включает 2 стадийные фазы – логоцентрическую и личностную. 2-й фазы достигло лишь западное общество, совершившее революцию личности. Запад завершил великий эволюционный переход и, пройдя путь до конца, уперся в границы системной формы. Сейчас он переживает кризис распада и логоцентрических, и личностных форм культурного бытия. В этом коренится эволюционная причина системного кризиса Запада;

в) тезис о том, что культурно-историческая эволюция в оболочке материнской биосистемы Земли – не венец всей эволюции мироздания, а один из не определенных стадийно ее этапов, а потому культура не вечна [Пелипенко 2016: 22];

г) мысль о том, что в эволюции Вселенной, среди прочего, действуют две противоположные силы: 1) экспансия, агрессия, стремление к расширению жизненного пространства, борьба за ресурсы; 2) сила, ограничивающая эти устремления. В этом контексте мораль, закон и право исторически обусловлены и переходящи, ограничивают безудержное расширение структур и систем. Абстрактное неприятие насилия, стремление «выполоть сорняки» (тщеславие, жадность, жестокость, фанатизм, эгоизм, властолюбие и т.д.) из социальной жизни выдают непонимание того, какие глубокие корни их питают [Пелипенко 2016: 28-29];

д) утверждение о том, что в столкновении на короткой исторической дистанции, как правило, побеждает сильнейший, в перспективе более отдаленной – сложнейший (если, конечно, выживает на ранних стадиях взаимоотношений со средой, что бывает редко). Дихотомия слабого и сильного должна быть заменена на более фундаментальную дихотомию простого и сложного, поскольку эволюционные перспективы общества напрямую зависят от наиболее сложных систем и субъектных групп. Необходимо переориентировать общество на всестороннюю поддержку тех 5–7% «непонятных» и «неправильных», которые создают системно наиболее сложные образования. Если этого не произойдет – деградация и уход с исторической арены не заставят себя долго ждать [Пелипенко 2016: 30-31], что и происходит в реальности.

Эти и многие другие идеи книги убедительно обосновываются автором, объясняются, органично включаются в общую смыслогенетическую теорию культуры и связанную с нею понятийную сетку.

Важнейшая идея А. Пелипенко – идея стратификации культурно-антропологических типов человека. Ключевым здесь является термин «ментальная конституция», понимаемая как специфический набор когнитивных схем и техник смыслообразования, наследуемых этнокультурными сообществами. Единицей-носителем такого наследования выступает отдельный индивидуум [Пелипенко 2016: 69]. Вынужденно и с сожалением опуская систему обоснований автора, обозначим лишь важнейшие положения.

В истории реализовались две глобальные социокультурные системы со своими ментальными конституциями человека – мифоритуальная и логоцентрическая. Системный кризис современности связывает уходящую логоцентрическую систему с новой, еще не получившей названия. Каждая из этих систем создает свой особый режим смыслообразования и тип человеческого субъекта. В истории представлены три базовых культурно-исторических типа – *индивид*, *логоцентрик*, *личность*. Три, а не два, потому что личность есть не макросистемный, а переходный тип. Заточенная под личность локальная культурная система Запада

развивается в системной оболочке логоцентризма, из которого она вырастает в ходе нынешнего кризиса. Современная ситуация перехода порождает и четвертый тип – *постлогоцентрика*, или носителя Новой естественности.

Системообразующим контуром мышления индивида является миф. Его мышление пралогично, пластично, эмоционально и малочувствительно к логическим противоречиям. Индивид – существо коллективное со слабо выраженной самостью и максимально зависящее от социальной группы. Ментальность индивида – монолитный блок несложных когнитивных и поведенческих программ. Несложность эта системная, тогда как когнитивность, нацеленная на адаптацию/специализацию, может усложняться почти бесконечно. Такой тип ментальности минимально конфликтен внутри себя, и потому человек мифоритуальной культурной системы, особенно в эпохи первобытности и архаики, максимально управляем культурой.

Наследник архаического индивида – современный носитель обиденного (массового, постфольклорного) сознания. Он органически неспособен к логической левополушарной рационализации картины мира – в своей основе она остается мифологичной, правополушарной (эмоционально-образной). Ментальность постиндивида подвержена культурным манипуляциям, как и ментальность его далекого предшественника. Информационный плюрализм вызывает в сознании постиндивида столкновение мифов, но реакцией на это выступает не акт свободы, как у личности, а когнитивный диссонанс.

Второй тип, логоцентрик, появляется в осевую эпоху как ответ на кризис мифоритуальной системы. Корневое качество новой макрокультурной системы – логоцентризм в его разнообразных региональных модификациях. Логоцентрик мыслит не локальными мир-ячейками, а рационально организованными целостностями. Экзистенциальный его центр – духовный Абсолют, который для средиземноморского культурного ареала соотносим с семантическим рядом – «Логос – Творец – Должное». Смысл жизни логоцентрика – служение ценностям и инстанциям, восходящим к Абсолюту. На пути к единению с ним мышление логоцентрика отсекает спонтанные ассоциативно-мифологические связи и выстраивает строгие логические цепи смысловых отношений. Но в ментальности логоцентрика монизм Абсолюта никогда не преодолевает до конца своих дуалистических оснований (мифологического правополушарного мышления и рационального левополушарного уровня). Оттого сознание логоцентрика всегда напряжено, тревожно и устремлено к борьбе с Иным, чужим, неправильным. Такое агрессивно-манихейское миропонимание – неизбывная черта этого культурно-антропологического типа. Речь идет не только о доходящем до паранойи стремлении бороться с мировым злом, но и обо всем строе мышления, золотым веком которого явилось Средневековье. Современный логоцентрик и продолжает жить в вечно дрящемся Средневековье, взыскуя Истины и божественного порядка.

Третий культурно-антропологический тип – личность – не системный, а переходный. Первые личности точно возникли еще в осевую эпоху – в середине I тыс. до н.э. – и были подчинены восходящему логоцентризму. Личность осознает логические противоречия и переживает их как внутренние и разрешимые посредством продуктивного творческого мышления. Личность – самодостаточный культурно-антропологический тип, именно он и пришел к полному осмыслению проблемы свободы. Его появление подчинено общеэволюционной логике, направленной на формирование все более сложных автономных и внутренне свободных форм. Сложность обеспечивается трехслойной ментальной конфигурацией, а автономность – способностью самостоятельно генерировать относительно независимые от внешней социокультурной среды

необходимые для развития продуктивные противоречия. Человеческий тип с такой ментальностью отвоевывает тем самым у культуры в принципе неотчуждаемый плацдарм внутренней свободы.

Разумеется, эта модель культурно-антропологических типов не должна истолковываться вульгарно, в духе прямых социально-бытовых проекций, хотя это, видимо, почти утопичная мечта.

Каждый из трех типов присутствует в ментальности субъекта не в чистом виде, а в качестве доминанты. В ментальности современного человека присутствуют и субдоминанты двух (или уже трех) других типов. Они могут находиться друг с другом в разнообразных отношениях, вплоть до близких к паритетным. Однако развитие субдоминант не может изменить верховенство доминанты, которое является врожденным. Границы между культурно-антропологическими типами подобны видовым границам в биологии — никаких воспроизводящихся паллиативных форм они при смешении не рожают.

Из этого следует несколько важных выводов. Названные типы живут в разных исторических темпомирах и исповедуют несовместимо разные системы ценностей. «Консенсус» между типами невозможен в принципе. Более того, противоречия, конфликты между ними — первейший фактор исторической динамики, ее двигатель. В каждом обществе присутствуют все три типа: большинство составляют постиндивиды, далее — логоцентрики и не более 5–7% — личности. Сами общества соответственно своему историческому опыту ориентированы на тот или иной тип. Личностно ориентированные общества — это, прежде всего, общества Запада и в меньшей мере — его периферии; в обществах, не ориентированных на личностную доминанту, рецепция гуманистических ценностей невозможна. Ни свобода, ни самоценность отдельного человека с его правами, внутренним миром и т.д. в таких обществах никогда не будут основополагающей ценностью. Возможна лишь адаптация к ним, достигаемая путем долгого культурного проникновения. Любые формы социальной гармонии между названными типами компромиссны, относительно и неустойчивы.

Таким образом, рабство как физическое, так и духовное держится не на насилии как таковом, а на глубокой органической сверхзависимости ментальных типов от субъекта манипуляции/репрессии, предстательного той или иной социокультурной инстанции. А потому рабы могут терпеть все, кроме свободы. И когда рабу, которого западная личность ошибочно принимает за «своего», навязываются свобода и необходимость постоянной личной ответственности, он «лезет на стену» или надевает пояс шахида. Впрочем, чаще мимикрирует, усваивая лишь внешние признаки свободного человека.

Важный вывод состоит в том, что современность требует, чтобы принцип культурно-антропологических типов был признан фундаментальной основой различия социальных статусов в обход расовых, гендерных, этнических, религиозных и прочих идентичностей. Для этого следует, наконец, признать крамольную очевидность: люди — разные! И не в силу внешних обстоятельств, а изначально, в силу врожденных предрасположенностей к тому или иному культурно-антропологическому типу. Фраза из Декларации независимости США о том, что «все люди рождаются равными», — заблуждение эпохи Просвещения, превратившееся сегодня в демагогически используемый миф, с которым пора расстаться. «Народ» (или большинство) не просто не всегда прав, но никогда не прав. Следует признать, что большинство непросвещаемо, а замена просвещения на безграничное потакание его мифологическим и даже фольклорно-сказочным представлениям о мире ведет к деградации и гибели цивилизации.

Эти идеи многим не понравятся, предупреждает А. Пелипенко, покажутся расистскими, фашистскими и т.д. Однако политкорректная публика, по его мне-

нию, окончательно потеряла вменяемость и, не имея возможности заткнуть рот говорящему неприятные вещи, затыкает уши себе [Пелипенко 2016: 77].

В контексте теории стратификации культурно-исторических типов А. Пелипенко рассматривает проблемы свободы и диалектики социального и индивидуального.

Запад – единственная в истории культурная система, где социальное в конце концов подчинилось индивидуальному. Однако послевоенный Запад впал в другую, индивидуалистическую крайность. В некоторых важных подсистемах культуры социальное оказалось принесенным в жертву индивидуальному (отсюда – мультикультурализм, нашествие мигрантов в Европу, неприятие Д. Трампа как президента США, диктатура непримиримого (!) либерализма, демократии и прав человека по принципу «назло бабушке уши отморожу» и т.д.). При этом традиционные для Запада формы решения социально-индивидуального контрапункта оказываются бессильными разрешить возникающие коллизии.

Пока практика перевода антропоцентрической идеи из абстрактного в конкретный план дала противоречивый результат, утверждает А. Пелипенко. Человек оказался не совсем тот. Культурное наследие личности Ренессанса получил ее единственный и законный наследник – современный западный обыватель: инертный, ленивый, трусливый, вялый и меркантильный, хотя и обученный прикидываться личностью. В этом – одна из важнейших составляющих кризиса Запада [Пелипенко 2016: 84].

С сожалением опуская подробности глубокой и тонкой рефлексии А. Пелипенко по поводу процессов, происходящих в логоцентризме, обратимся к некоторым проявлениям и последствиям кризиса последнего.

Сердцевина логоцентрической культуры – разнообразные формы словесности и вербальные дискурсы, сам способ вербального осмысления мира. Нетрудно заметить, что сегодня все больше людей, независимо от происхождения, образования, статуса и даже интеллекта, утрачивают привитые логоцентризмом навыки логического мышления, способность выстраивать рациональные причинно-следственные ряды и полагаться на непреложность установленного факта. Сознание все более ныряет в свою собственную квазиморфологическую реальность, прячась в нее, как улитка в домик. Как известно, усложнение форм на вершине эволюционной пирамиды вызывает упрощение у ее основания. Так, усложнению «высоколобого» научного дискурса сопутствует почти обвальное упрощение языковых дискурсов в иных публичных сферах – обыденной речи, публицистике, текущей аналитике и т.д. Фронт ремифологизации продвигается с разной скоростью по всем сферам логоцентрической культуры – религии, морали, философии, науке и т.д. А. Пелипенко с блеском рассматривает происходящие в них процессы.

Эти сферы культуры утрачивают свое былое значение, переживают упадок, окукливаются и замыкаются сами на себя. Ими мало интересуются люди и даже власти (поскольку уже не опасны!). Авторитет священника, философа, ученого, моралиста резко снизился. Сила их резонанса в обществе значительно уменьшилась. Предлагаемые ими ценности и даже достижения вызывают скуку (счастья не обещают!), релятивизируются и уходят на периферию культуры. Институциональные формы этих сфер претерпевают изменения и все более смещаются в сторону их индивидуализации. Их трудности – не в самих их предстателях, которые почему-то вдруг измельчали. Они коренятся в общем кризисном исчерпании логоцентрической культуры, частью которой эти сферы являются.

Фиксируя «родовые» дефекты ключевых сфер логоцентрической культуры – религии, морали, философии, науки и т.д., – А. Пелипенко заключает, что если Модерн – это финишная прямая логоцентризма, то послевоенный мир –

это «финиш финиша» [Пелипенко 2016: 191]. Мельчание, затухание и распад всех форм логоцентрической культуры ускоренно нарастают, и не видеть этого нельзя.

Закончился культ великого человека. Государственных и политических деятелей сменили актеры, музыканты, спортсмены. Кумиры не стали хуже — просто время кумиров ушло. Политика в своем прежнем виде кончилась. Общественные идеалы умерли, и ничего, кроме интересов, им на смену не пришло. А в царстве интересов крупным политикам делать нечего. Они не востребованы жизнью, где обыватель (он же избиратель) боится думать о будущем. Тактические вопросы улаживаются бюрократами-управленцами, которым вывести формулу синтеза принципов и интересов не под силу — интеллекта не хватает. Остается заниматься привычным профессиональным делом — демагогией и лицемерием. Последнее, кстати, из свойства индивидуального превратилось в системное явление, его больше не стесняются — как можно стесняться общепринятого правила?

Смерть тех или иных форм культуры не означает их полного исчезновения. Они умирают как развивающиеся явления и окукливаются в небольших или оранжерейных нишах. В таком состоянии пребывают сегодня классический балет, опера, театр, книжная культура (Слово больше не творит реальность). Энергия распада «большого культурного стиля» выплеснулась во всевозможных бумах — философском (начало XIX в.), научном (середина XIX и XX вв.), литературном, религиозном и художественном (вторая половина XIX в.), авангардистском (начало XX в.). Были бумы технологический, кинематографический, музыкальный, космический, вялые рецидивы бума литературного. Бумы послевоенного мира в основном локальны, кратковременны и в общекультурном контексте несущественны.

Глубинные основания логоцентрического универсума статичны. Здесь картина мира строится на единственно возможной и окончательной онтологии с не сдвигаемыми во времени и пространстве координатами. В логоцентрической культуре способ существования и оперирования смыслами и бесконечно богатые формы психологического движения «упаковываются» во внешне статичные формы (слово, изображение и т.д.). Для нее реальность предстает линейными цепями зафиксированных в жестких координатах онтологий.

Этот-то порядок и взламывает современность с ее неомифологической процессуальностью.

Идущая на смену постлогическая культура несет иные культурно-смысловые коды. Текущая процессуальность мифа возвращается в культуру, прежде всего в мышление. Поэтому закономерен нынешний интерес к архаике и древнему мифологическому мышлению. Именно с последним через голову логоцентризма рифмуется современный неомифологический ренессанс.

А пока культура непонятным для механистического рационализма способом внушает несмышленным человеческим малышам компьютерную интуицию, экранную сенситивность и блокирует у них развитие рефлексов чтения и письма — логоцентрические подсистемы культуры продолжают деградировать и сворачиваться. В этом контексте А. Пелипенко рассматривает перспективы государства, семьи, брака, отношений полов. Он также считает серьезным заблуждением мысль о противоестественности вмешательства техники в сферу человеческого (как будто кто-то очертил ее границы) и святая святых — человеческого тело и мозг [Пелипенко 2016: 198]. Западный обыватель приходит в ужас от идеи клонирования человека, но млеет от восторга, когда улицы западных городов заполняют толпы агрессивных варваров из жарких стран, паразитирующих на его труде.

Рассматривая такие явления, как поразительная слепота и беспечность запад-

ного общества перед фактом размывания своей этнокультурной идентичности и наступлением «голубого фашизма» [Пелипенко 2016: 199], автор задается вопросом: не утратили ли Запад и белая раса в целом инстинкт самосохранения (Россия идет в том же направлении, но причина ее кризиса иная — чудовищный антропологический надлом XX в. и послыйный процесс распада империи). Трудно отделаться от мысли, что для цивилизации белого человека включена программа самоуничтожения. Во всяком случае первый ее признак налицо — массовое безумие и утрата адекватного понимания положения дел. Как будто поверх «национальных историй» и вообще поверх всего действуют некие сверхмощные макроэволюционные силы...

Могильщиком логоцентризма становится Интернет. Любой варвар теперь может высказаться на весь мир. Зато стало намного труднее скрывать любые сведения, лгать и морочить людям головы мифами, скроенными по старым схемам. Любая дутая величина в Интернете мигом сдувается. Впрочем, не только дутая — всякая. Интернет отменил прежнее понимание сакрального. Все профанируется, «опускается», опошляется, превращаясь в информационный товар, в частичку бесконечной мозаики, в которой в принципе нет ничего священного. Так Интернет углубляет кризис значимостей.

Изменился механизм культурной динамики. Насколько упала цена метафизики, настолько подскочила цена всего обыденного, преходящего, сиюминутного, здесь-и-теперешнего. Картина реальности будто стала более плоской, лишние смысловые измерения сознанием отсекаются. Для сознания реальность исчерпывается тем, что можно ощутить наочно, прежде всего — увидеть, лучше на экране, где будут и статика, и движение, и образ, и иконический знак, и текст. Тогда мир оказывается представленным в необходимой и достаточной полноте. Бурное развитие средств виртуального моделирования такой реальности заставляет предположить, что, быть может, в этом и есть одно из магистральных направлений культуры будущего, когда эмпирическая реальность подчинится виртуальной или даже в ней растворится.

Не надо быть искушенным антропологом, чтобы понять — личная страничка в сети есть не что иное, как своеобразный магический двойник современного неоархаика (носителя постлогоцентрической ментальности) в запредельном/виртуальном мире, границы которого столь же проницаемы, сколь проницаемы для архаика границы, отделяющие его от мира духов.

В послевоенные десятилетия западный мир претерпел глубокое перерождение. Утвердился леволиберальный дискурс. Это ознаменовало смену всего культурно-цивилизационного кода Запада. Изменили содержание ключевые понятия либерализма и демократии. Сложился корпус ценностей и правил, с помощью которых бюрократия поддерживает свои позиции в обществе. Они представляют собой формулу самоуничтожения Запада, а их отстаивание есть предательство западной цивилизации.

Свод этих фатальных ценностей и правил невелик: народ всегда прав; слабый всегда прав; победитель всегда виноват; западный человек априори всегда виноват перед своим «меньшим братом»; «меньший брат» всегда прав, ему заранее все прощается; высшая, почти официально сакрализованная ценность — комфорт, ради него допустимо пожертвовать ценностями, которые сделали Запад Западом; двойные стандарты, лицемерие возведены в норму, не желающие соблюдать норму изгоняются из публичного пространства.

Этого вполне достаточно для «заката Европы». Приговор стал окончательным, когда государство-филантроп поставило во главу угла не гражданские, а люмпенские ценности. Обществу навязан фальшивый код «левый — правый», когда условная политологическая маркировка переносится в область мировоззрения.

Закатная фаза культурной системы сопровождается массовым психозом. За этим стоит отчаянная растерянность логочентрического человека перед распадом своей культурной системы.

Левый дискурс и его господство критиковать поздно (он невосприимчив к критике) – с ним надо бороться. Внутренне бессвязный, бестолковый, алогичный комплекс левацких идей есть слепок архаичных эгалитаристских мифов, сформировавшихся в разные эпохи и в разных этнокультурных ареалах. Объединяет их то, что все они антиличностны и антибуржуазны. Они концентрированно отражают не просто неприятие доличностными ментальными типами достигательных ценностей Нового времени (успех, богатство и т.д.), но и отрицают сам принцип самостояния автономной личности, на котором держится западная цивилизация. Торжество леволиберального дискурса означает не только перерождение западной цивилизации, но и угрозу магистральному эволюционному принципу усложнения. Левый дискурс – это сегодня одна из главных сил контрэволюции. Поэтому он должен быть развенчан.

Одна из глав (десятая) книги А. Пелипенко называется «Принуждение к сложности и новая антропология». Речь идет об итоге глобального столкновения кардинально несовместимых типов мироощущения и миропонимания, основанных на противоположных принципах: 1) нарастающей сложности и 2) архаизирующего упрощения. Компромиссов между ними быть не может, как не может быть их между движением вперед и движением назад. Драматизм столкновения определяется широким рядом факторов.

С одной стороны:

- евро-атлантическая цивилизация пребывает в системном кризисе;
- притязания человека Запада с его либерально-гуманистическими ценностями на культурную универсальность окончательно дискредитированы;
- нарастающая динамика усложнения оказывается слишком высокой даже для западного человека, что вызывает комплекс деструкций и рецессивных процессов, пресыщенность и тягу к упрощению;
- новые уровни усложнения требуют глубоких ментальных и психоантропологических трансформаций, на которые средний человек оказывается неспособен. Само усложнение как самодовлеющая ценность, дающая эволюционные преимущества в будущем, в должной мере не осмыслено;
- химера культурно-антропологического равенства и другие предрассудки леволиберального дискурса не позволяют Западу оценить масштаб экзистенциальной пропасти между мирами нарастающей сложности и воинствующего упрощения. Беспечность, неспособность адекватно осмыслить эту проблему приводит к бессилию против наступающей контрэволюции. Распространяется она прежде всего в незападных обществах (где не было модернизации), а также на периферии западного мира.

С другой стороны:

- силы упрощающей контрэволюции обладают эффективными механизмами самоорганизации и обращают порожденные миром сложности высокие технологии против него самого;
- активность сил контрэволюции стимулируется мощным вызовом со стороны мира сложности, который никогда прежде не был столь внутренне слаб и идейно и психологически не подготовлен к серьезной борьбе;
- задачи архаизации и ремифологизации массового сознания решаются с помощью масштабных и совершенных технических средств, а формы неприятия мира сложности радикальны и агрессивны [Пелипенко 2016: 206-207].

Суть контрэволюции состоит в том, что впервые сопротивление эволюционной динамике проходит в столь масштабных и адекватно осознанных формах.

Фальшивый консенсус по поводу неких «общечеловеческих ценностей» отброшен окончательно.

Человек мира сложности по своей ментальной конституции — поздняя личность, или носитель Новой естественности. Шаг за шагом он освобождается не только от природных, но и социокультурных детерминаций. Его пластичное сознание нацелено на самореализацию в разных информационных средах и смысловых слоях культуры. Этот творческий дрейф в силу антидогматизма и антидоктринальности мышления не знает мучительных внутренних противоречий и разлада с жизнью. Сознание не бежит от жизни, а потому не ищет спасения в завиральных эсхатологических «прожектах». Главные ценности такого человека — движение, возможность усложнения и самопроявления в мейнстриме постоянно нарастающей сложности.

Человек простоты по своей ментальной конституции — поздний логоцентрик, постиндивид, реже — ранняя личность. Он мыслит догматично. Смысл его существования — в сопричастности и растворении в священном Абсолюте, на алтарь которого приносится все — свобода, счастье, зачатки индивидуализма и сама жизнь. В обмен — избавление от непосильной ноши выбора, самостоятельности, не говоря уже о «химере совести».

Эти типы — не просто два разных «умонастроения». Это два разных человека, и «вместе им не сойтись». Мир простоты отчаянно наступает, отступать ему некуда. Мир сложности, умиротворенный своим интеллектуальным и технико-цивилизационным преимуществом, пребывает в благодатной спячке и не покидает привычную зону комфорта. Именно это — главная проблема нашего времени. Поэтому оторвать свою толерантную задницу от компьютерного кресла все же придется. Иначе цивилизация может откатиться в состояние долгого и глубокого регресса, что и есть цель контрэволюции. Тем более что новые варвары ясно объяснили: «вы любите жизнь — мы любим смерть!»

Что делать? А. Пелипенко предлагает программу, которую сам считает почти невыполнимой.

Необходимо отказаться от постхристианских квазигуманистических традиций (особенно в леволиберальной версии) и произвести глубокие ментальные трансформации, без которых невозможно движение в будущее. Решение кризисных проблем невозможно в рамках сложившихся дискурсов, от них следует отказаться. Например, от логоцентрической установки о приоритете общего над частным. Построить модели институциональной жизни общества на основе принципа не обобщения, а дифференцирования. Не от института к человеку, а от человека к институту. Регулирующая роль институтов должна быть радикально снижена. Это не значит, что нужно отказаться от любых обобщений и классификаций. Опыт логоцентрического мышления не упраздняется, но лишь уходит вглубь, на периферию сознания. Если до сих пор частное приносилось в жертву всеобщему, то теперь пришло время эти отношения инвертировать. Сказанное относится к институциональной жизни общества, в жизненном мире такая инверсия уже идет полным ходом, порождая незнакомые формы отчуждения человека от общества.

Необходимы технологии, позволяющие не обобщать, а дифференцировать социальные группы и страты и в ряде случаев вовсе отменять прежние стратификации. Все права, возможности и формы социальной и духовной эмансипации западная культура адресует личности, а большая часть индивидуумов таковыми не являются. Это противоречие в рамках сложившихся социально-антропологических норм неразрешимо. Поэтому отказ от всеобщих негибких норм в пользу частных случаев, обоснование методологии такого отказа — важнейший первый шаг. Проще говоря, что позволено личности, не должно быть позволено иным культурно-антропологическим типам.

Место общей нормы должен занять здравый смысл. Он позволяет без лицемерия разбомбить зарвавшегося диктатора; без сантиментов отправить восвояси мигрантов-паразитов, решивших, что развитый мир что-то им должен; обусловить помощь бедным странам ограничением рождаемости и т.д. Это не цинизм, а здравый смысл без обертки, не шкурный прагматизм, а прагматизм для реализации принципа развития. И речь вовсе не об отказе от закона. Просто в исполнении закона следует ставить во главу угла установление справедливого порядка в каждом конкретном случае независимо от юридического прецедента и самой юридической нормы. Определяющим фактором становятся личностные свойства сторон. Для разных людей должны быть разные законы (неясно, правда, как это можно обеспечить на практике. — *О.М.*)

Это странно и непривычно, но давно пора, хотя и вызовет бешенство «толерантной» и донельзя «терпимой» публики, играющей только по своим правилам. Основанная на толерантности и терпимости мораль не сдерживает социально опасные формы экспансии, а потворствует им.

В этой же логике и тональности А. Пелипенко подвергает жесточайшей критике принцип всеобщего избирательного права, который, например, был невозможен где-нибудь в Древнем Египте и маловероятен на Ближнем Востоке (хотя считается, что может быть установлен везде); он утверждается лишь в завершение строительства открытого демократического общества; для демократии нужен не охлос, а демос, до которого первый сам по себе никогда и нигде не развивается, и т.д. Сегодня перспектива этого права проблематична и на самом Западе. Демос Нового времени в условиях общества потребления обречен на перерождение.

А. Пелипенко считает, что ментальность большинства людей не способна к усложнению. «Научить сложности», подставить плечо не получится. Миры сложности и упрощения должны держаться друг от друга подальше, они ничем друг другу не обязаны и прекрасно обойдутся один без другого. Не надо шараться от ошельмованного и проклятого слова «апартеид». Наука со всеми ее изощренными методами тестирования в состоянии разработать систему критериев, позволяющих отличить солдата цивилизации от варвара, труженика от люмпена, свободного человека от представляющего опасность для общества. Возможно, это сложно, хлопотно и негуманно, однако человечеству доводилось решать и не такие проблемы, когда припекало [Пелипенко 2016: 213].

Особый вопрос — о применении силы. Ее не следует возводить в культ, но пока она есть, надо с чувством правоты отвечать насилием на насилие, а иногда совершать его превентивно, не дожидаясь, пока занесенная над головой дубина опустится. И не жалеть патронов — человеческая жизнь стоит ровно столько, насколько ее ценят в обществе. Это не метафизическая ценность. Каково общество, такова и цена жизни. Если на Ближнем Востоке или в России цена жизни соизмерима с ценой патрона (да и в Америке тоже. — *О.М.*), то никакие извне навязываемые нормы этого положения не изменят. Вот почему, в частности, нельзя навязывать таким странам отмену смертной казни.

5–7% носителей творческого начала и более высокого уровня сложности в любой социальной системе, видимо, число константное и не зависит от стадии и уклада. Этих людей культуре не удастся «построить», с детства вбить им в головы свою систему условностей, накрепко внушив миф о безусловности этих условностей. Из них вырастают возмутители спокойствия, генераторы новых идей, создатели новых сложных структур, форм, смыслов, технологий. Отношение культуры к ним двойственно. С одной стороны, культура без них неспособна к эволюционным самоизменениям. С другой же, пытаясь от этих изменений увильнуть, она относится к носителям сложности и инноваций с подозрением и неприязнью. Ведь среди инновативных смыслов часто преобладают дис-

системные, потенциально опасные для культурной системы. Поэтому судьбы «неправильных», за исключением отдельных везунчиков, незавидны. Культура не жалуется таких «маргиналов», относясь к ним как к обычному расходному человеческому материалу. Поэтому и культурная динамика в традиционных обществах столь нетороплива.

Единственной в истории культурной системой, разительно поднявшей статус творческого меньшинства, стал Запад. Результат сказался мгновенно — невиданная в истории динамика и пятисотлетнее господство. Но не так все благополучно. Современное общество потребления ориентировано на потребителя, а не на творца. Для обуздания творческой личности культура использует механизмы рынка. Он-то в конечном счете и осуществляет отбор. Неординарность и гениальность, не вписывающиеся в рыночную конъюнктуру, не востребованы и отвергаются системой. Продукция творческого меньшинства жестко фильтруется и отбраковывается культурой. Сами же творцы хоть и не маргинализируются, но положение их сведено к служебному. Они отчуждены от принятия важных, значимых решений. Да, западная культура создает специальные заповедники, где одаренные личности могли бы учиться и творить в благоприятных условиях. Но система одаривает их благожелательной улыбкой лишь до тех пор, пока они создают востребованный культурой продукт, т.е. то, что культуре нужно для поддержания и развития ее системных качеств. Если же личность начинает создавать продукт диссистемный — всякая благожелательность исчезает мгновенно. Так система защищается от давления вертикального вектора эволюции и деструктивных для нее смыслов.

Коль скоро основой наступающей эпохи служит принцип усложнения, необходимо кардинально изменить социальный статус авангарда усложнения, т.е. тех самых 5–7% людей. Сегодня они подвержены социальной селекции, отбраковываются на дальних подступах и не пробиваются в большую политику и управление, разве что в виде исключения и на жестких условиях. В этом случае «умники» редко поднимаются выше уровня советников, консультантов, экспертов. Решения принимают не они. Такое ресурсно-вспомогательное положение способствует их деградации, и они оказываются в состоянии произвести лишь самобийственные и идиотские идеи мультикультурализма и заселения Европы мусульманами.

Необходимо повышение конкуренции и ответственности в среде самих «интеллектуальных сообществ», что ослабит поток вредных и завиральных идей. Решения должны принимать интеллектуальные группы на основе внутренней перекрестной экспертизы. Наступающая эпоха требует перехода политической власти в руки профессиональных интеллектуалов. Политический класс должен поменяться с ними местами и стать «приводным ремнем».

Только так можно устранить тупиковую представительную демократию и защитить мир сложности. При необходимости принуждения к сложности уместно говорить и о диктатуре интеллектуалов. Выбор невелик — если не принуждать к сложности, сам будешь принужден к простоте. Тех, кто не хочет усложняться, — «предоставить собственной диалектике» (Гегель). Не надо навязывать им развитие. Каждое общество заслуживает нелицеприятного диалога с эволюционным законом. К тому же обыватель никогда не проголосует за сложность.

Это — общая схема. В любом социуме есть группы, ориентированные на усложнение. Однако «много званых, мало избранных»¹. Как быть с обиженными исто-

¹ Невольно возникает «живописный» образ тех в России (и не только), кто научится разглагольствовать о мире сложности и за умеренную плату обеспечит себе или своим детям место в группе «людей сложности». Было же такое с «кадровым резервом» самого высокого уровня, покупали там себе место ушлые персонажи...

рией «званными» — общего рецепта нет. Любые решения должны выводиться не из абстрактного общего правила, а из конкретных обстоятельств¹.

Сегодня волна архаизирующей варваризации в своем безумном откатном движении уже прошла уровень средневекового панэтизма и морализаторства, вплотную приближая распадающееся сознание к уровню этноплеменной (а нередко и зоологической) морали, хотя бы и под религиозной вывеской. Это и есть контрэволюция.

Опыт показывает — обвальная архаизация сознания необратима. Агрессивный поборник упрощения неисправим и ненаучаем. Его нельзя умиротворить, убедить, научить. С ним бесполезно разговаривать. Между упрощением и усложнением компромисса быть не может. Кто-то должен уйти, определив тем самым вопрос о том, победит вертикальный эволюционный вектор в именно этой точке исторического времени пространства или нет. Или сложность сумеет за себя постоять, или развитие остановится, что автоматически приведет к стагнации, эрозии общества, вырождению и депопуляции и смерти всей культурной системы. Именно это несет миру нынешняя волна контрэволюции.

Но что принесет человечеству очередная прорыв к сложности? Во имя чего следует бороться? Счастья, как всегда, не будет. С этим мифом надо расстаться навсегда. А. Пелипенко предполагает, что контуры будущего станут определяться сворачиванием области эволюции внутрь самого человека, его ментальной сферы. Как всегда, произойдет разделение социума на его динамично эволюционирующую (вертикально) и усложняющуюся часть, с одной стороны, и все остальное (пройденные эволюцией и застывшие формы, способные эволюционировать лишь в горизонтальном направлении) — с другой. Это будут два противоположных мира.

Этот процесс углубится соединением электронных и нанотехнологий с глубоким проникновением их в мозг. Интернет как сеть способен преобразоваться в пространство, в которое психика будет включена постоянно. Тогда можно будет говорить о рождении нового типа человека. Киберпространство будет обозначать технологически удвоенную среду культурного существования человека. В разы вырастет независимость от природных ресурсов. Отпадут одни противоречия, появятся новые. Технологии вообще становятся одной из движущих сил вертикальной эволюции. Извечная экзистенциальная устремленность человека к трансцендированию теперь удовлетворяется погружением в киберпространство. Но если раньше технологии создавались адресно, под конкретные нужды, то теперь они развиваются по собственным законам, навязывая человеку и потребности, и формы их удовлетворения. Более того, технологии начинают изменять и саму природу человека.

Главный фронтир проходит между авангардом вертикальной эволюции в лице некоторой части евро-атлантической цивилизации (Центральная Европа и германо-скандинавский Север) и частично странами АТР, с одной стороны, и объединенными силами уходящего из истории логоцентризма (его авангард — активный исламофашизм) — с другой. Все не приемлющие принцип усложнения делают ставку на архаизацию и ремифологизацию сознания.

Итак, необходимо принуждение к сложности тех, кто способен к ней, и сдерживание тех, кто активно ей противостоит. Отсюда — несколько общих правил: не вмешиваться в конфликты упрощенцев, не разнимать варваров, если это не представляет угрозы для постлогоцентрического мира; не помогать новым варварам (упрощенцам), отсекай их от новых технологий; пусть сами устанавливают

¹ А. Пелипенко безошибочно предвидит, что ярлыки нациста, фашиста, расиста, колониалиста и социал-дарвиниста ему за такую программу будут обязательно наклеены.

желаемый порядок в своих странах; на террористическое насилие отвечать насилием, а не улыбками и переговорами и не выделением средств «на развитие».

Следует четко провозгласить: война – нормальная и естественная форма разрешения конфликтов; цивилизация может и должна защищать себя всеми доступными средствами; победа не есть позор и стыд; враг цивилизации – это враг, а не заблудшая овца, которую можно научить, умиротворить, задобрить; в ситуации эволюционного прорыва есть вещи поважнее мира, бизнеса и отдельно взятой человеческой жизни.

Здесь к месту бы пришли слова Гамлета: «Из жалости я должен быть суровым. Несчастья начались, готовьтесь к новым».

Одной из перспективных тенденций А. Пелипенко видит наделение не только экономической, но и политической властью транснациональных корпораций (ТНК), считая их самым продвинутым властным субъектом на фоне анахроничных партий и правительств прежней эпохи. В соединении со своим противоположением – мировым правительством – и мощным экспертно-аналитическим сообществом ТНК способны взять на себя глобальное управление мировой экономикой и ресурсами, модернизационное подтягивание проблемных стран, к этому стремящихся, и вписывание их в мир-экономику.

Свою задачу А. Пелипенко видит не в том, чтобы выдать готовый проект глобального переустройства (задача – не для одного человека), а в том, чтобы впустить в мир идей некую новую смысловую конструкцию. Эту задачу он выполнил блестяще. Возможно, эта конструкция не безупречна, однако она несомненно эвристична, содержательна, масштабна, глубока, многомерна.

Сильной стороной А. Пелипенко как автора является его способность называть вещи своими именами: ложь – ложью, двойные стандарты – двойными стандартами, идиотизм – идиотизмом. Нужно мужество для того, чтобы заявить: «Пора уже выражение “политкорректный идиот” сделать антиярлыком – стандартным ответом на все демагогические... обвинения» [Пелипенко 2016: 235–236]; «народ не только не всегда прав, но никогда не прав» [Пелипенко 2016: 77]. В современном мире, когда уже и сам факт способны отрицать, перевернуть, исказить до неузнаваемости, подобная позиция дорогого стоит.

Примерно таковы основные идеи книги А. Пелипенко.

Не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто автор статьи не критичен и все в книге А. Пелипенко вызывает у него слепое восхищение. Да, вызывает, но не слепое. Но дело не в этом. Критике можно подвергнуть все без исключения – любую теорию, гипотезу, концепцию, монографию, диссертацию. А вот заметить теоретическую мощь и глубину исследования – получается не часто. То ли потому, что такие работы редко встречаются (в силу того же кризиса логоцентризма, кстати), то ли потому, что рецензенты желчны и пристрастны. А может, еще по какой причине... У меня же возникло желание обратить внимание читателя на эту книгу, потому что она теоретически сильна, содержательна, глубока и интересна. Она выявляет глубинные процессы, которые определяют в ближайшие десятилетия облик мира. И будет нелепо, обидно и глупо, если человечество не использует энергию этих процессов себе на пользу. Впрочем, в высокой степени так оно и будет – люди плохо и неохотно учатся на своих же ошибках.

Что же касается критических замечаний... Среди немалого числа возможных остановлюсь на одном. В исследовании А. Пелипенко четко просматривается мысль о том, что культура преследует собственные цели, ограждает человека «красными флажками», выйти за которые практически не дано; ментальные структуры устойчивы и консервативны. Отсюда тезис о том, что с помощью управления можно решать только тактические задачи, стратегически управление

беспомощно, культура всегда одерживает над ним верх. И в то же время автор многократно напоминает о недостатке воли и адекватных усилий по противостоянию деструктивным процессам. Например, он говорит о необходимости «что-то делать с ментальностью самого человека» [Пелипенко 2016: 187] — ни больше ни меньше! Или «в должной мере проникнуться остротой проблемы и проявить волю» [Пелипенко 2016: 213]. В другом месте автор четко формулирует: «если не принуждать к сложности, сам будешь принужден к простоте» [Пелипенко 2016: 219], «создание особых планов и программ» для различных обществ — «воот достойная задача для интеллектуальных сообществ» [Пелипенко 2016: 220] и т.д. То есть, автор неоднократно говорит о волевом начале, которое, между прочим, лежит в основе активных действий и управления в целом. Значит, человечество способно многое изменить, нейтрализовать в негативных сценариях и включить точки роста и развития вопреки скепсису автора относительно управленческого начала.

Другие проблемные места в книге А. Пелипенко «Контрэволюция» читатель способен выявить самостоятельно. Они, безусловно, есть. Однако следует определенно подчеркнуть, что удельный вес сильных сторон и достоинств книги в огромной степени превосходит удельный вес ее уязвимостей.

Список литературы

Пелипенко А.А. 2016. *Контрэволюция*. М.: Знание. 240 с.

MITROSHENKOV Oleg Aleksandrovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the UNESCO Chair of the Institute of State Service; Professor of the Faculty of International Relations, Institute of Business Studies; Professor of the Chair of Political Science and Governing, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, bld. 8 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; omitrosh6@mail.ru)

DEVOLUTION OF THE WEST: NATURE AND MECHANISMS

(Some reflections on the book by A.A. Pelipenko «Counter-evolution», 2016)

Abstract. *In the article, the author considers the last work by the Russian cultural scientist Andrey Pelipenko «Counter-evolution». On the base of his sense-genetical theory of culture, he gives explanation to the processes of the profound devolution of the West and the western mentality. The main idea giving the clue to understanding of the crisis in all spheres of life in the contemporary western society is the end of the logocentric epoch. The explanation and analysis of its essence are in the focus of the author's attention.*

Keywords: *the West, counter-evolution, logocentrism, individual, logocentrist, personality, mytho-ritual complex, multiplicity, crisis*
